

* * *

*Прости мне этот первобытный страх –
бегу туда, где сухо и тепло.*

*О детство – бьётся бабочка в руках,
я молча отрываю ей крыло,*

*и что-то есть звериное во мне
в соседстве с беззащитной чистотой.*

*Я принимаю это, ведь вполне
осознаю, что остаюсь такой*

*и до сих пор. Опять среди бела дня
внутри меня не хочет спать ребёнок,
смеётся смерти бабочки – и я
бегу домой, где вечер тих и долог.*

* * *

*Касаться пальцами – не губ твоих, цветов,
перебирать их стебли, размышляя,
как шелест трав похож на звук шагов,
который постепенно утихает,*

*а ночью продолжается внутри,
врастая в грудь какой-то странной болью.*

*Упав в траву, я трогаю цветы,
которые шагов твоих не помнят.*

* * *

*День, слишком громкий, наконец затих.
Слова лежат, ночь ворошит их залежь –
слов много, ты надеешься на них,
пока не зачерпнёшь, не исчерпаешь,
не вычерпаешь всё от сих до сих
и знаешь, что сказать, а как – не знаешь.
Иди ко мне, приходи ко мне, мой стих.*

78 *Тень от ветвей царапает окно,
как будто даже звук какой-то слышен,
и зрелость ждёт во мне уже давно –*

*всю жизнь растёт внутри. Вздыхает. Дышит.
В ушедшем дне не разглядеть того,
о чём она пока ещё не пишет.*

* * *

*Окно моё, ты видело меня
уже во всех, пожалуй, проявленьях,
но всё ещё глядишь день ото дня,
впуская свет и стёклами звеня,
как я, влюбляясь, становлюсь слабее,*

*как плачу о земном, о неземном,
как плачу, что устала столько плакать,
как я пишу ночами за столом
и прячу письма, чтоб отдать потом,
а может, не отдав, продолжить прятать.*

И ты глядишь, как я к тебе иду,
глядишь в меня, как озеро в Нарцисса,
и повишь взгляд, чтоб только убедиться,
что отразит тебя, а не беду.

Но скоро ночь. Я вижу сквозь стекло
листву деревьев, летний вечер. Странно
болит в груди. Письмо молчит о главном.
И знаешь только ты, моё окно.

* * *

Живи, живи. Живи, как сейчас живёшь;
как вот сейчас сидишь, сиди так вечно...

В. Набоков

Вот так молчи, как сейчас молчишь,
всегда, всегда – пусть и жизнь пройдёт –
из всех колодцев, оврагов, ниш
твоё молчанье, как ночь, встаёт,

сияет в небе, блестит на дне,
дрожит повсюду, и я дышу,
но всё безудержней слышно мне,
как ты молчишь сквозь великий шум

по всей земле, и звенит в ушах,
живи, живи, как сейчас, – и всё.
И вздрогнет где-то внутри душа,
как будто что-то произнесёт.

* * *

Вечер, март. Что-то есть на душе – только
вряд ли смогу
это выразить прямо. Захочешь попробовать –
пробуй
молодое бродящее чувство. Весна на снегу.
Всё прошло – так легко – и не стоило грусти
особой.

И теперь я стремлюсь – а на деле не знаю
к чему,
но иду, чтоб идти – хоть куда-то, зачем-то,
но всё же.
Как не верилось мне, что когда-то так
просто пойму:
всё не то и не так и совсем на любовь
не похоже.

Снег, весна. Что-то есть на душе. Подожди,
я приду.

Это всё перебродит и станет мудрее
и старше,
как вишнёвые ягоды в банке, забытой в саду,
как вино в погребе у какой-то особы монаршей.

* * *

В. Ш.

Будет дождь – посильней, чем на прошлой
неделе прошли, –
о, чудесная новость. А день отчего же так
душен?

Я живу на земле и ногами касаюсь земли,
но мой собственный мир невозможен на ней
и не нужен.

Только эта привычная грусть стала как-то
нежней,
говорит о другом: о причинах любить это
лето.

Даже жаркий июль – хоть сухой, хоть совсем
без дождей –
остаётся желанным. И ждёт меня, кажется,
где-то.

79

* * *

На крышах – снег, декабрьский и нежный.
И кажется, что всё вокруг – другое,
что этот год пройдёт не так, как прежний.
Автобус переполнен. Едешь стоя

и сам себе счастливо обещаешь
любить весь мир, и этот сумрак белый,
и суету, которую прощаешь.
Идти вперёд и чувствовать, что целый.

Начать иначе жить, снова начать основу
для новых дней – неповреждённой ткани.
И так наивно сам поверишь слову,
что даже боль на время перестанет.

И не заметишь, как подъедешь к дому.

